

Должно быть, призрачное везение явно было на их стороне: очередь, в которой они готовились стоять до самых сумерек, растаяла всего за полчаса.

Цзюцин буквально сиял от восторга.

— Стоит войти в Палату Яньло, и мы увидим самого господина Яньгу! И молодого господина Хухэ! — взволнованно защебетал он.

«Ты сюда судейский патент получать пришел или на мужиков пялиться?» — мысленно хмыкнул Люцзин.

Они назвали свои имена призрачному посыльному у ворот, и вскоре другой повел их внутрь Палаты Яньло.

Люцзин ожидал увидеть мрачное, наводящее ужас узилище, но здесь все оказалось иначе. В просторном, величественном зале приятно пахло благовониями, а высокие неугасимые светильники заливали пространство ярким, чистым светом, не оставляя теням ни единого шанса.

В самом конце зала высился массивный письменный стол шириной в два хороших размаха рук, заваленный горами свитков и отчетов. За этой бумажной горой алело яркое пятно — хозяин Палаты Яньло, Яньгу. Он лениво подпирал рукой подбородок, облокотившись на резной подлокотник. Его полуприкрытый, утомленный взгляд скользил по вошедшим с величайшей скукой.

Люцзин попытался было разглядеть лицо владыки, но его отвлек тихий, обиженный ропот стоявшего впереди утопленника:

— Ишь какой... Сам писанный красавец, вот и воротит нос от нашего брата. Разве пристало Яньвану судить призраков по одежке?

Люцзин не сразу понял, к чему тот клонит. Однако стоило им с Цзюцином выйти на середину зала, как Яньгу, до этого безвольно расплывшийся в кресле, вдруг выпрямился. Он медленно поднял руку и указал на них длинным изящным пальцем. Его голос, тихий и сонный, тем не менее отчетливо разнесся под высокими сводами, и его слышал каждый присутствующий:

— Одет прилично, лицом пригож... Вот его и возьмем.

Палец правителя замер, колеблясь между Люцзином и Цзюцином, пока наконец не остановился на последнем. Яньгу запнулся, а затем с легким недоумением спросил:

— Погодите. Кто из вас двоих пришел наниматься?

Позже Цзюцин рассудил: Яньгу осекся лишь потому, что его излюбленная придирка — мол, своей уродливой рожей ты распугаешь мне всю преисподнюю — на сей раз оказалась совершенно неуместной.

— Мы оба... — поспешил ответить Люцзин.

Но Цзюцин бесцеремонно перебил его на полуслове:

— О владыка, я лишь сопровождаю своего друга.

Люцзин растерянно моргнул.

«Он же сам говорил, что тоже хочет получить эту должность?» — недоумевал он, косясь на спутника.

Цзюцин обернулся и мягко улыбнулся ему, хотя его мертвенно-бледное лицо по-прежнему выглядело жутковато.

Яньгу удовлетворенно кивнул, словно гора с плеч свалилась:

— Ну и славно, одной заботой меньше. Значит, решено. Как тебя там... Люцзин, верно?

Пребывая в полном смятении — то ли радоваться, то ли изумляться, — Люцзин даже опомниться не успел, как легким словом правителя был назначен на почетную должность судьи Подземного царства.

Кто бы мог подумать, что весь отбор обойдется без каверзных расспросов и суровых испытаний, которые он уже успел себе навоображать.

Не успел новоиспеченный судья вымолвить и слова, как Яньгу бросил напоследок:

— Ступай домой. Скоро призрачные посыльные доставят тебе указ.

С этими словами владыка бесследно растаял в воздухе.

Это был второй раз, когда призрак растворялся в пустоте прямо на глазах у Люцзина. Первый случился посреди багрового моря цветов на берегу Реки Забвения. Впрочем, парень до сих пор не мог с уверенностью сказать, был ли тем таинственным незнакомцем из его туманных видений сам Король Яма.

Цзюцин облегченно перевел дух — похоже, даже он не рассчитывал на столь стремительную

развязку. Он осторожно потянул друга за рукав, возвращая того из глубокой задумчивости к реальности:

— Пошли отсюда.

Домой они возвращаться не стали. Вместо этого Люцзин отправился вслед за Цзюцином к его убогому, открытому всем ветрам прилавку у самой воды Реки Забвения. Там их уже поджидали весьма неожиданные гости.

В те дни память Люцзина о прошлой жизни была стерта начисто. Он искренне полагал, что впервые видит легендарных призрачных посыльных Подземного царства — Черное и Белое Непостоянство. И хотя в его голове не сохранилось их обликов, рассказы Цзюцина помогли нарисовать в воображении довольно точную картину. Реальность совпала с ожиданиями почти полностью.

Цзюцин как-то упоминал, что эти двое — названные братья, преданные друг другу до самой смерти, после которой они вместе поступили на службу в управу. Белого призрачного посыльного звали Се Биань. Высокий и тощий, с выбеленным, словно мелом, лицом, он вечно щерился в жутковатой улыбке. Длинный багровый язык свисал у него чуть не до самого пупка, а на высокой островерхой шапке красовались четыре иероглифа: «И ты пришел». Несмотря на весь ужас его облика, эта надпись невольно вызывала усмешку.

Его напарник, Черный призрачный посыльный Фань Уцзю, держался куда строже. Крепко сбитый, смуглолицый, он вечно хмурился, наводя трепет на грешников. Вместо глумливого приветствия на его головном уборе пламенели слова: «Пришел за тобой». Внушительное зрелище. И все же Люцзин никак не ожидал, что эти грозные вестники смерти окажутся на удивление видными и даже привлекательными мужчинами.

«И чего ради эти вечно занятые служаки караулят наш сиротливый котел вместо того, чтобы собирать жатву душ?» — недоумевал Люцзин. Однако озвучить свой вопрос он не успел.

Цзюцин шагнул вперед и с поклоном произнес:

— Премного благодарен, господа! Найти время в ваших заботах, чтобы присмотреть за моей лавкой... Это неоценимая услуга.

Люцзин лишь молча покачал головой.

«Им вообще дозволено так откровенно бездельничать на службе?» — подумал он.

Первым отозвался Фань Уцзю. Вопреки суровой внешности, заговорил он на удивление

радушно и тепло, отчего у Люцзина в голове возник легкий диссонанс:

— Оставь эти церемонии! Твое дело — наше дело. А раз так, то и благодарить не за что.

Люцзин невольно перевел взгляд на Се Бианя. Тот помалкивал, но смотрел с мягкой, почти дружеской снисходительностью к чудачествам названного брата, слегка прищурившись. Заметив чужое внимание, Белый призрачный посыльный повернулся к прибывшим. Их взгляды встретились.

— Так это и есть Люцзин? — спросил Се Биань. Длинный язык ничуть не мешал ему говорить четко и внятно.

Люцзин мысленно восхитился такой дикции при столь выдающейся анатомии. Впрочем, вопрос предназначался вовсе не ему.

Цзюцин слегка удивился столь внезапному любопытству, но кивнул:

— Он самый.

— Взяли его? — уточнил Се Биань.

— Взяли, — с гордостью подтвердил Цзюцин.

Белый страж отвел взор, загадочно сощурившись, так что разгадать его мысли стало окончательно невозможно.

Зато Фань Уцзю вежливостью не отличался — он мигом очутился прямо перед Люцзином, весело вглядываясь в его растерянную физиономию:

— Получается, отныне величать тебя господином судьей?

А ведь и правда: по табели о рангах Подземного царства судья стоял на ступень выше обычных призрачных посыльных, сразу после Янь-вана.

Люцзин, не привыкший к подобному вниманию, поспешно замахал руками:

— Ну что вы! Это мне еще многому у вас учиться придется.

Черный призрачный посыльный беззаботно рассмеялся, отмахнувшись:

— Пустяки! Служба у нас одна, дел впереди неуворот, так что будем держаться вместе.

— Коль так, — вмешался Цзюцин, — сделайте милость, загляните к нам вечером на огонек. Я соображу нехитрую закуску, посидим по-братски, потолкуем.

Молчаливый Се Биань согласно кивнул:

— Договорились. А пока нам с Уцзю пора за работу.

Должно быть, они и впрямь засиделись без дела. Черный страж не стал спорить, нагнулся за кандалами и цепями, лежащими в пыли, но на прощание все же добавил:

— И про вино не забудь!

Мгновение — и оба господина Непостоянства растаяли в сизом тумане.

Когда господа Непостоянства скрылись, Цзюцин вернулся к своему огромному котлу и принялся неторопливо помешивать варево длинным половником. Люцзин благоразумно остался в стороне. Во-первых, содержимое чугуна до сих пор вызывало у него стойкое содрогание, а во-вторых, от самой Реки Забвения несло удушливой гнилью, от которой подкатывала тошнота.

Опустившись на землю в нескольких шагах от друга, Люцзин уставился на противоположный берег. Сквозь плотную пелену испарений едва пробивалось зловещее багровое свечение, ложась отблесками на его лицо.

— Цзюцин, а что там, за рекой?

— М? — Цзюцин, как раз собиравшийся всыпать в похлебку пригоршню сухих кореньев, обернулся. — А, это Дорога Жёлтых источников. Сразу за ней начинается Река Забвения, а над ней перекинут Мост Беспомощности.

— Мост Беспомощности? — Люцзин огляделся по сторонам, тщетно пытаясь разглядеть хоть какой-то силуэт сквозь густую хмарь.

Под монотонное шуршание половника по дну котла Цзюцин пояснил:

— Здесь всегда так — мгла да туман. Мост чуть дальше, скрыт за этой дымкой.

Люцзин нахмурился, силясь уловить логику:

— Но если Матушка Мэн раздает свой отвар прямо на мосту, зачем ты торгуешь здесь? Разве к тебе кто-то заглядывает?

Цзюцин на миг замер, но тут же беззаботно рассмеялся, откладывая половник:

— Ах, точно, я ведь тебе не рассказывал! Мой товар не для новопреставленных душ. Мои покупатели — здешние призрачные посыльные и коренные обитатели Подземного царства. Преисподняя ведь устроена почти как мир живых. Тут есть пришлые, а есть те, кто родился призраком или служит в управе. Вот они-то и считаются местными. А те, кто только что испустил дух — это так, проезжие гости.

Люцзин молча усваивал услышанное, пока друг продолжал объяснять:

— Если новоприбывшая душа не желает перерождаться и ей не грозят муки в восемнадцати слоях ада, она может остаться здесь и примкнуть к сонму темных призраков. Помнишь того утопленника в очереди? Вот вроде него. Здесь они могут заводить семьи, играть свадьбы, растить маленьких приемышей... Словом, обычная жизнь, мало чем отличающаяся от земной.

— Выходит, в Подземном царстве не так уж и плохо, — кивнул Люцзин, пытаясь уложить это в голове.

— Истинная правда, — согласился Цзюцин, вновь берясь за половник. — Разве что в мир живых просто так не пускают, а в остальном жаловаться не на что.

Люцзин поднялся на ноги и сделал несколько шагов к берегу, отчего удушливый речной смрад ударил в нос с новой силой. Его взгляд упрямо возвращался к загадочному багрянцу на том берегу.

— Но все-таки, почему Дорога Жёлтых источников светится красным?

Цзюцин проследил за его взглядом и мягко ответил:

— Это отблеск цветов. По обеим сторонам тракта раскинулось бескрайнее море цветов хиганбана. Они наделены особой духовной силой, оттого и светятся в темноте.

«Море цветов на берегу Реки Забвения...»

Люцзин невольно вспомнил миг своего пробуждения. Имя свое он теперь знал, а вот спросить у Яньгу, как он очутился среди этих багровых лепестков, позабыл. Впрочем, спешить некуда. Впереди вечность, и у него еще будет время разгадать тайну своего прошлого.

Опасаясь разминуться с призрачными посыльными из управы, Цзюцин поспешил закрыть лавку. Стоило им вернуться к своей жалкой хижине, как прямо перед ними соткались две жуткие фигуры. Краснолицые призраки с копной растрепанных волос и острыми клыками молча вручили Люцзину свиток с печатью, отвесили чинный поклон и растаяли без следа.

Люцзин даже развернуть указ не успел — плотная бумага вдруг скользнула прямо под кожу и бесследно растаяла в ладони. Парень в испуге принялся крутиться на месте и шарить глазами по траве, уверенный, что выронил документ. Заметив, как его новоиспеченный коллега ползает у порога, словно ищет затерянный клад, Цзюцин вышел во двор и, узнав, в чем дело, залился звонким смехом.

— Ну ты и чудак! — утирая слезы, выдохнул он. — Этот указ — не просто бумажка, а твоя суть. Как только ты принял его, признание твоей должности скрепилось на духовном уровне. Теперь этот документ — часть тебя самого.

Люцзин озадаченно поскреб затылок:

— Но это же свиток... Ему точно место у меня под ребрами? Ничего не заболит?

Цзюцин лишь покачал головой, дивясь его наивности:

— Да ты ведь уже мертв! Чему там болеть?

Люцзин осекся. Действительно, глупый вопрос. Если ты уже бесплотный дух, то и вреда плоти причинить нельзя.

— Ладно, побудь пока дома, — деловито распорядился Цзюцин, вытаскивая из чулана плетеный коробок. — Сбегаю на Призрачный рынок, прикуплю чего-нибудь к столу. Хотя ты теперь и судейский чин, а с Непостоянствами дружбу водить надо. Мало ли какие беды впереди — свои люди в конвое никогда не лишние.

Люцзин почувствовал, как к горлу подкатил теплый ком. За все те недели, что он провел в Подземном царстве, Цзюцин заботился о нем как о родном брате.

— Позволь мне пойти с тобой, — окликнул он друга.

Тот притормозил у калитки и лукаво прищурился:

— Что ж, если кишка не тонка — пошли.

Конечно, Цзюцин лишь поддразнивал его. Люцзин и сам понимал, что реальной опасности на рынке нет, но при одной мысли о тамошних мясных рядах, ломящихся от обезображенной

мертвечины, его бросало в дрожь.

— Знаешь, я бы с радостью, — с самым серьезным видом заявил он, — но оставлять дом без присмотра как-то неблагоразумно. Пожалуй, посторожу очаг.

Цзюцин так и прыснул от смеха. Надо же, какой преданный хранитель нашелся для его покосившейся лачуги, которую не позарился бы обокрасть даже самый отчаявшийся призрачный воришка!

<http://bllate.org/book/18339/1768597>